

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 3 (47). С. 231–238

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 3 (47), pp. 231–238

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-231-238>, EDN: FBYBFF

Научная статья
УДК 811.161.1'27'38'42

Фатические единицы языка и теория речевых жанров

И. А. Шаронов

Российский гуманитарный государственный университет, Россия, 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6.

Шаронов Игорь Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Института филологии и истории, Igor_sharonov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5553-1533>

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к описанию фатической стороны коммуникации и связей фатики с теорией речевых жанров. Предлагаемое рассмотрение понятия фатики исходит из принципиального различия между подходами к фатике Б. Малиновского и Р. Якобсона. Опора на понятие контактоподдержки позволяет выделить отдельную группу языковых средств, оформляющих речевые субжанры микродиалога. Эти средства рассматриваются в статье как область фатики 1 (Ф1). Они служат исключительно для поддержания бесперебойного процесса коммуникации и «накладываются» на информативный компонент микродиалога. Средства Ф1 подразделяются на языковые единицы и приемы. К области фатики 2 (Ф2) относятся праздноречевые разговоры, дискурсивные структуры, принципиально отличающиеся от языковых средств области Ф1. В статье предлагается типология языковых единиц фатики 1. Наряду с уже хорошо известными и описанными единицами, такими как вокативы и этикетные формулы, в группу единиц Ф1 входят также малоизученные диалогические дискурсивы (вводные слова и обороты, маркирующие речевой акт и усиливающие воздействие на собеседника, такие как: *будьте любезны, не будь дураком, тебе говорят и др.*), вопросительные пост-частицы (РА, *правда?*, РА, *ладно?*, РА, *идёт?*) и коммуникативы (краткие стереотипные ответные реплики: *ну да, да нет, еще бы, идёт, ни за что и т. п.*). Все эти единицы обладают особыми дискурсивно-прагматическими свойствами, жестко связанными с речевыми субжанрами, которые они оформляют. В силу своих свойств языковые единицы Ф1 могут стать объектом специального лексикографического описания.

Ключевые слова: фатика, речевые жанры, вокативы, дискурсивы, вопросительные пост-частицы, коммуникативы

Для цитирования: Шаронов И. А. Фатические единицы языка и теория речевых жанров // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 3 (47). С. 231–238. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-231-238>, EDN: FBYBFF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Phatic units of language and the theory of speech genres

I. A. Sharonov

Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow 125047, Russia

Igor A. Sharonov, Igor_sharonov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5553-1533>

Abstract. The article discusses approaches to the description of the phatic communication domain and the connection between the concept of phatics and the theory of speech genres. The proposed consideration of the concept of phatics is based on the fundamental difference between the approaches to phatics by B. Malinowski and by R. Jakobson. Reliance on the function of contact maintenance makes it possible to identify a separate group of linguistic means that formalize speech subgenres of microdialogue. These means are considered as the domain of phatics 1 (F1). They serve exclusively to maintain the process of communication and are “superimposed” on the informative component of the microdialogue. The means of F1 are subdivided into linguistic units and rhetorical devices. The area of phatics 2 (F2) includes small talk, i. e. discursive structures that are fundamentally different from the linguistic means of area F1. The article focuses on the typology of linguistic units of phatics 1. Alongside the already well-known and well-described units, such as vocatives and

etiquette formulas, the group of F1 units also includes dialogic discursives (introductory words marking the speech act and increasing the impact on the interlocutor, such as: *would you be so kind, don't be silly, I'm telling you, etc.*), tag questions (*isn't it?, okay?*) and communicatives (short stereotyped responses: *sure, no way, you bet, deal, not a chance, etc.*). All these units have special discourse-pragmatic properties that are strictly connected with the speech subgenres they formalize. Due to their properties, F1 linguistic units can become the object of specialized lexicographic description.

Keywords: phatic, speech genres, vocatives, discursive words, tag-questions, communicatives

For citation: Sharonov I. A. Phatic units of language and the theory of speech genres. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 3 (47), pp. 231–238 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-231-238>, EDN: FBYBFF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Исследования феномена фатической речи и речевых жанров проводятся в русистике с разной степенью интенсивности уже более полувека. За этот период ученым удалось продвинуться в понимании существенных свойств фатики и, в частности, ее связей с теорией жанроведения. Тем не менее следует признать, что целостное и непротиворечивое представление об этой области языка и речевой коммуникации и ее детальное описание далеки до завершения. Проблема нечеткости в определении самого объекта обусловлена изначальной разноуровневостью выделяемых признаков фатики. «Полюса» в рассмотрении понятия фатики были намечены Б. Малиновским и Р. О. Якобсоном. Для антрополога Бронислава Малиновского, исследующего культуру и язык примитивных народов, было достаточно отметить в качестве базового фатического свойства нефункциональность вечерних «праздноречевых» разговоров туземцев на фоне их деловых разговоров в процессе трудового дня. Исследователь определяет фатическую речь как обмен незначимыми фразами для поддержания социальной гармонии между членами сообщества [1]. Лингвист Р. О. Якобсон при описании фатики акцентирует внимание на языковых единицах, функционирующих для установления, поддержания и прерывания контакта в процессе диалога обоими его участниками. Для исследователя фатика связана с конативной функцией, выражаемой единицами типа *алло, да-да* и проч. [2]. Таким образом, при первом подходе объектом рассмотрения является бытовой, неделевой разговор, взятый в целом, а при втором – компоненты диалогических структур, ответственных за бесперебойное протекание любого разговора.

В работах Т. Г. Винокур [3] делается попытка объединить подходы Б. Малиновского и Р. Якобсона в общую теорию. В об-

ласть фатики включается, по мнению автора, и конативная функция, то есть набор языковых единиц для поддержания контакта собеседников в процессе их речевого взаимодействия, и связанная с конативной функцией область речевого этикета, включающая набор общепринятых форм ежедневных социальных ритуалов, и бытовые (светские) разговоры. При таком подходе в фатические средства оказываются объединены языковые единицы, полностью свободные от информации о мире, служащие исключительно для поддержания контакта в процессе разговора, и разговорные тексты, передающие информацию о мире, событиях и проч., но с низкой степенью важности этой информации ввиду ее нефункционального, развлекательного и т. п. характера.

Но вопрос о степени важности сообщаемой для собеседника информации при разделении деловых и праздноречевых разговоров остается открытым. Предложения «взвешивания» долей фатики и информатики для определения статуса разговоров также страдают определенной субъективностью. В статье [4] ее автор указывает на сильный разброс мнений относительно «водораздела» между фатическим и информативным компонентами в бытовых речевых жанрах.

Объединение в один ряд «контактных» слов и целых разговоров делает задачу построения единого аппарата для исследования и описания фатического материала крайне трудновыполнимой. Попытка преодолеть неоднородность фатических единиц содержится, например, в статье Ю. В. Матюхиной [4]. Автор предлагает уйти от синкремизма и разделить фатический метадискурс на два подвида: «включенный» и «автономный», первый из которых рассматривает фатические единицы как элементы микродиалога, состоящего из взаимодействия субжанров обоих собеседников, а второй – речевого события, светского беседы, флирта. Мы также считаем, что для детального лингвистиче-

ского описания имеет смысл рассматривать «полюса» фатики по отдельности.

I. Типология средств фатики

Назовем контактные языковые средства внутри микродиалога средствами фатики 1 (Ф1), а «светские» разговоры – средствами фатики 2 (Ф2) и остановимся в статье на анализе и каталогизации средств Ф1. Эти единицы «накладываются» на информативную часть любого речевого субжанра с целью бесперебойного развития диалога. Их объединяет отсутствие в семантике информативной составляющей, использование их исключительно как инструментов взаимодействия с собеседником и воздействия на него.

Микродиалог может быть чисто фатическим, но чаще он содержит и информативную, и фатическую составляющие. К «чисто» фатическим микродиалогам относится ритуальный обмен этикетными формулами, например, приветствия при встрече, прощания и некоторые другие; к «смешанным», например, – субжанр просьбы, в которой содержится и предмет требуемого действия, и фатические компоненты вежливости. При анализе праздноречевых диалогов, светских бесед, разговоров «по душам» конфликтных и прочих диалогов бытового характера обычно обнаруживается последовательность нескольких таких микродиалогов, не всегда прямо связанных друг с другом, объединенных и ограниченных чаще экстралингвистическими факторами [3].

К средствам Ф1, обнаруживаемым внутри микродиалога, относятся особые лексические средства поддержания связи с собеседником в процессе разговора (далее **языковые единицы Ф1**). Это устойчивые этикетные формулы, формирующие этикетные речевые субжанры (*привет, простите, пожалуйста* и т. п.), средства обратной связи (*что-что?, да-да, ну?, хмм* и т. п.), диалогические дискурсивы, то есть вводные слова, обращенные к собеседнику (*будьте добры, честно говоря, я чертовски извиняюсь* и т. п.), вопросительные пост-частицы (*да?, правда?, хорошо?*) и короткие оценочные реакции собеседника – коммуникативы (*еще бы, само собой, да ладно, ну и пусть* и т. п.).

Кроме того, в группу средств Ф1 следует также включать также разного рода **риторические приемы Ф1**, способствующие воздействию на собеседника и эмоциональному регулированию: косвенность представления РА, импликации, намеки, стилистические приемы формирования почтительного, шутливого, фамильярного, снисходительного и т. п.

стилей общения [5]. Однако анализ языковых единиц Ф1 и риторических приемов Ф1 различается. Пути их взаимодействия – интереснейшая задача для будущих лингвистических исследований.

Группа языковых единиц Ф1 в силу ряда своих свойств – перспективный объект для лексикографического описания, «словаря фатики». Возможность и важность составления такого словаря отмечалась еще в работе [5]. Такие единицы стереотипны, регулярно встречаются практически в любой беседе. Будучи разговорными идиомами, они неизменяемы. Им свойственная информативная опустошенность и прагматическая заданность, а использование ограничено поддержанием взаимопонимания, социального баланса и усилением воздействия на собеседника в микродиалоге.

II. Языковые единицы фатики 1

Единицы Ф1 можно разделить на автономные компоненты при высказывании, передающем интенцию говорящего лица в микродиалоге, и на самостоятельные стереотипные высказывания – клишированные реплики диалога. К автономным компонентам РА относятся вокативы, диалогические дискурсивы и вопросительные пост-частицы. К клишированным репликам диалога относятся этикетные формулы и коммуникативы.

Перечисление и полноценный анализ всех языковых единиц потенциального словаря фатики 1 лежит за пределами возможностей научной статьи. Мы ограничимся только единичными примерами описания для каждой из рассматриваемых групп с целью демонстрации некоторых дискурсивно-прагматических свойств таких единиц.

Автономные компоненты РА

Вокативы – особые сигналы и формы номинации субъекта, цель которых – обратить на себя его внимание и установить контакт. Теме вокативов посвящена обширная лингвистическая литература, (см., напр., [6–8] и многие другие работы).

Вокатив *мальчики / мальчишки* рассмотрим как пример неполного соответствия с номинацией субъекта. Выбор вокатива определяется мужским полом и юным возрастом адресата, однако при неформальном общении может происходить прагматический перенос вокатива на взрослых мужчин в речи близко знакомых с ними женщин и мужчин более высокого социального статуса. Приведем иллюстративные примеры:

[Саша (Евгений Редько, муж, 47, 1958)]
Пойдём/ Агеев! [Агеев (Игорь Золотовиц-

кий, муж, 44, 1961]) Убери руки/ничтожество. [Ульяна (Оксана Коростышевская, жен, 32, 1973)] Не надо/ **мальчики/** пожалуйста/ пожалуйста. Не ссорьтесь. Вы/вы оба хорошие писатели. (М. Коростышевский, Н. Назарова. Дура, к/ф, 2005).

[Сева (Александр Ильин-мл., муж, 23, 1983)] Иди сюда! [Закиров кричит что-то на иностранном языке] Заткнись/ я сказал! Одевайся давай! **Мальчики/** сюда/ быстро! [прибегают милиционеры] Падла! Одевайте его! Всё/ в отделение! (К. Серебренников, В. Пресняков, О. Пресняков. Изображая жертву, к/ф, 2006).

В сниженном, просторечном общении молодой человек может обратиться к незнакомому старшему по возрасту мужчине: отец, а к сверстнику, не будучи с незнакомцем в родственных отношениях, и не являясь его земляком, может обратиться: брат, братан, земеля, зёма.

Диалогические дискурсивы – вводные слова и обороты, которые используются для маркирования типа РА и усиления воздействия на собеседника. Диалогические дискурсивы описаны неполно, что особенно заметно по сравнению с прочими типами и классификациями вводных слов и оборотов, которым посвящена большая литература (см. обзор в [9]). Отдельно отметим здесь статью И. А. Шаронова [10], а также Г. И. Кустовой [11] о ментальных глаголах в позиции вводных, в которой глаголы во 2-м лице рассматриваются как апеллятивные и по своим семантическим характеристикам противопоставляются модальным.

Приведем в качестве иллюстрации введение и маркирование диалогическими дискурсивами некоторых типов побудительных актов:

1) Дискурсивы **пожалуйста**, будьте добры/любезны вводят и маркируют акт вежливой просьбы, выраженной в форме императива:

– Заверните, **пожалуйста**, всё – говорю я, возвращая жетон. (А. Волков. Одеться с иголочки и без ниточки).

Она куда-то позвонила, с кем-то поговорила и приветливо указала мне на стоявший рядом стул со словами: «Подождите, **будьте любезны**» (В. Белоусова. Второй выстрел).

В последние десятилетия, видимо под влиянием английского языка, появилась тенденция вводить этими диалогическими дискурсивами просьбу и в форме вопросительной конструкции:

Будьте любезны, если не трудно, вы не могли бы остановить свое маршрутное

такси на остановке «Улица Шолуденко»? (А. Володарский. ЖЗЛ).

2) Дискурсивы **ну пожалуйста**; будь человеком, что тебе стоит маркируют речевой акт уговаривания, упрашивания – обычно после отказа собеседника выполнить просьбу:

– Купи мне этот диск. – **Нет.** – **Ну, пожалуйста!** – **Нет.** – А этот? (О. Гладов. Любовь стратегического назначения).

3) Дискурсивы **не будь дураком**, лови момент маркируют речевой акт совета:

Соглашайся, Мишка, не будь дураком. (Е. Прошкин. Механика вечности).

А что, делать, если бес шепчет на ухо: **Лови момент**, брат, успевай. (О. Быков. Дходное место).

4) Дискурсивы **я тебе говорю**, тебе говорят маркируют и усиливают повторный речевой акт в целях убеждения собеседника в достоверности чего-л., а также для побуждения к действию:

– Идем, я тебе одного Рембрандта покажу, вот это художник. Там у него голая баба нарисована <...>. – Обнаженная? – с натугой и сомнением переспросил Рябов. – Да голая, **я тебе говорю**. Пошли (С. Довлатов. Солдаты на Невском).

А то ведь я узнаю... И строго накажу, если обманешь. <...> – Никакой здесь Нинки нет, **тебе говорят!** Неужели нельзя сообразить? (В. Шукшин. Калина красная).

– Миша, Мишенька, вставай, вставай. **Тебе говорят**, вставай! – надрывалась жена. – Прокурор приехал. (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

5) Дискурсивы **кому** сказал, **кому** было сказано маркируют речевой акт повторного требования, команды, обычно в форме императива или индикатива прошедшего времени.

Не вертись! Я кому сказал – смирно! (А. Геласимов. Степные боги).

Обезьяна видит знакомого пацана впереди и отдает ему деньги. В очередь, – говорит какой-то мужик. Обезьяна не отвечает. – **Я кому сказал** – в очередь. (В. Козлов. Гопники).

Лида (бежит за ними). Не уйдешь! Владимир, вернись! Владимир, **кому было сказано!** Вернись! (Э. Радзинский. Обольститель Колобашкин).

Вопросительные пост-частицы (tag questions) – единицы да?, а?, точно?, правда?, хорошо?, ладно / лады?, идёт? и др., которые также служат для усиления воздействия РА на собеседника. Серьезного внимания этим частицам в лингвистической литературе уделено не было. Отметим только одну известную нам публикацию на эту

тему, имеющую «говорящее» название: «Русское финальное *a*?: портрет невидимки» [12]. В русистике для этих единиц общепризнанного наименования пока не существует. Наш выбор термина обусловлен позицией единицы в конце высказывания и фиксированной вопросительной интонацией. Использование той или иной вопросительной постчастицы обусловлено типом речевого акта. Например, при РА просьбы и предложения к совместным действиям используются единицы *хорошо?*, *ладно?*, *лады?* Интересно, что эти единицы способны конкурировать с диалогическими дискурсивами при просьбе, выраженной императивом. Ср.:

— Только не сообщай эту свою идею Феликсу, *хорошо?* — сказала Лора. (Ю. Трифонов. Обмен).

— Пожалуйста, только не сообщай эту свою идею Феликсу, *хорошо?*

Добавление вводного *пожалуйста* в высказывание создает, как кажется, плеонастический эффект.

Вопросительные постчастицы способны не только усилить просьбу или предложение, но и нейтрализовать в ряде случаев, категоричность РА побуждения. Они устраняют возможную резкость использования при побуждении такими конструкциями как индикативов настоящего и будущего времени. Ср. примеры РА с индикативом с постчастицей и без нее:

Георгий Николаевич, я вам завтра позвоню после работы.

Георгий Николаевич, я вам завтра позвоню после работы, *хорошо?* — *Хорошо*, — ответил он. (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Предложение без вопросительной постчастицы при определенном произнесении может быть интерпретировано как категоричное требование. Наличие постчастицы однозначно снимает категоричность.

Клишированные реплики микродиалога

Формулы речевого этикета

Описанием формул русского речевого этикета занимались многие исследователи. Среди них можно, в частности, отметить работы Н. И. Формановской [13] и [14], Р. Ратмайр [15] и [16]. Лексикографическое описание этих единиц представлено в словаре А. Г. Балакая [17]. Прагматическое и историко-этимологическое описание формул русского речевого этикета получило развитие с появлением Национального корпуса русского языка (см. [18–20]. Этикетные

формулы интересно рассматривать с дискурсивно-прагматических позиций. В качестве примера обратимся к этикетной формуле ответа на благодарность *На здоровье!*

В странах Запада укоренилось неверное использование этой формулы в качестве русского заздравного тоста, который иностранцы путают с тостом (За) *Ваше здоровье!*

Среди гостей я заметил Алекса, <...> мне припомнилась его способность находить в любой американской Тмутаракани очаровательные рестораны и пабы <...> Мы пожали друг другу руки и чокнулись. — Салют. — *На здоровье.* (Б. Левин. Инородное тело).

В русском языке распространены близкие рассматриваемой вежливые формульные ответы на благодарность за подарок или за угощение.

Носите на здоровье говорят в ответ на благодарность за подаренную одежду, головной убор или туфли,

Пользуйтесь на здоровье — в ответ на благодарность на подаренную бытовую вещь или в качестве сопровождения акта дарения.

Кушайте / Пейте на здоровье! — в ответ на благодарность за получение съедобного подарка, угощения.

Коммуникатив *На здоровье!* использует человек, покормивший кого-л. в ответ на его благодарность по окончании трапезы.

Когда чашка и вазочка опустели, он благодарно откинулся на спинку стула и сказал: — Большое спасибо. — *На здоровье*, — ответила я. (Мартовский кот // «Истории из жизни», 2004).

В неформальной коммуникации формула может шутливо использоваться в ответ на эмоциональную благодарность с целью снизить пафос ситуации. Ср.:

— Ей напишут, — пообещал генерал, <...> — Я сам напишу.

Нефедов от этого еще сильнее смущился и ответил, кашлянув: — Спасибо... — *На здоровье*, — генерал поднял стопку. — И чего это мы с тобой раскаркались? Верней — я. Ничего не должно случиться (Г. Владимов. Генерал и его армия).

В полемическом диалоге в ответ на ироническое *Спасибо* собеседника, выражавшее его обиду, недовольство, *На здоровье!* используется говорящим лицом в качестве неприятия претензий.

Вам уже за сорок. Талантливые мужики к этому времени успевают все сделать и помереть с сознанием состоявшейся жизни. — Спасибо, — засмеялся Коршунов, —

на добром слове. — **На здоровье.** (Г. Щербакова. Подробности мелких чувств).

Еще один устоявшийся в узусе контекст употребления формулы *На здоровье* — выражение полного безразличия, непротиводействия чему-л. при несогласии или негативном отношении к чему-л.

— Давай, папаша, мы у тебя хоть часы снимем, а то ведь совсем так дисквалифицируемся. — Берите, — говорю, — **на здоровье!** Только они у меня после ремонта гарантийного... (Г. Горин. Фантомасы).

Наконец, неаккуратное (или расширяющееся?) использование этикетной формулы на основе ее внутренней формы приводит, по утверждению информантов, к ее использованию врачами в ответ на благодарность пациентов.

Коммуникативы — грамматически аморфные слова-предложения, которые функционируют в диалогах в качестве ответных реплик, ответных РА говорящего лица в микродиалоге: *Это еще что!*; *Ну дела*; *Ой ли*; *Ни каких!*; *Опять двадцать пять*; *Вот то-то и оно* и т. д. Описание коммуникативов как отдельного функционального класса языковых единиц дается в работах [21, 22] и в целом ряде других статей. Эти стереотипные единицы используются в диалоге для подтверждения или отрицания сказанного; одобрения или неодобрения мнения, оценки; согласия или отказа выполнить требуемое действие; эмоциональной реакции на сообщение и т. д. Такие реплики состоят из неполнозначных или десемантизированных компонентов, выражающих интенцию или эмоцию как реакцию на тип РА или на выраженное в РА мнение собеседника. Они имеют особые интонационные контуры и жестово-мимическое сопровождение, помогающие передать отношение говорящего к воспринятой реплике собеседника.

Рассмотрим в качестве примера значения, которые может передавать коммуникатив *да ну*:

1) **Да ну!** Возражение на предположение собеседника, несогласие с его мнением как далеким от реальности; может сопровождаться легкой отмашкой:

— Первый раз? — поинтересовался сосед Иван, пожилой добрый человек. Иван отвернулся от окна и зачем-то бодро сорвал: — **Да ну**, что вы! (В. Шукшин. Печки-лавочки).

— А подвела, — радостно объяснил ему парень, что стоял рядом, — не приехала. Вот он и продал вам свои заготовки! — Кто? **Да ну**, глупости! — резко отмахнулся

Зыбин. (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

2) **Да ну!/?** Сильное удивление, пораженность, восхищение. Может сопровождаться легким откидыванием головы назад при недоверии и покачиванием головой при пораженности/восхищении:

Я даже маме не позволил бы вмешиваться в нашу жизнь! — **Да ну?** — изумленно прошептала Катя. Они опять замолчали, глядя друг на друга (Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда»);

— Грува у тебя роскошная. Нечасто такой оттенок встретишь. Чем красишь? — Это натуральный цвет. — **Да ну?** — изумилась женщина (Т. Моспан. Подиум).

3) **Да ну!** Недоверие. Говорящий может слегка откинуть голову назад и улыбнуться:

— Ты слышал? — говорит он мне. — Иванько отказался от своих притязаний. — **Да ну!** — Абсолютно точно. Приехал, узнал, что здесь такой скандал, и тут же отказался. (В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру).

Десемантизированные коммуникативы формируются из знаменательных слов и сочетаний. Они теряют лексические и грамматические компоненты значения и составляют синонимические группы в зависимости от типа РА, реакциями на который они служат. Например, согласие на просьбу оформляется коммуникативами: *Хорошо*, *Легко!* *Ладно* (уж)! и др.; согласие на предложение к совместному действию — коммуникативами: *Давай!*, *Окей!* и др.; согласие на договор, сделку — коммуникативами *Идет!*, *По рукам!* и др.; согласие на любезное предложение — коммуникативами *Спасибо!*, *Если не трудно*, *Будьте любезны!* [21].

Все единицы фатики 1 pragmatically согласуются с типом РА и друг с другом. Каждая такая единица зависит от типа речевого акта и маркирует его, подготавливая собеседника к восприятию коммуникативного намерения говорящего, усиливая воздействие РА или реакцию на РА. Собеседник может чутко реагировать на правильность, неправильность и на стиль построения речи говорящего и строить свой ответ в соответствии с выбранной тональностью. Нарушения фатических механизмов в микродиалоге может приводить к коммуникативной ошибке, к переходу на шутливо-игровую коммуникацию, либо указывать на намеренную ролевую перестройку в социальном взаимодействии между собеседниками.

Заключение

В статье на основании рассмотрения подходов к описанию фатической области коммуникации выделена и охарактеризована группа языковых единиц фатики (Ф1). Исследование проводится на базе субжанров бытовых диалогов – минимальных единиц в теории речевых жанров. Одним из основных свойств выделенной группы единиц является их неинформативность, выполнение функций поддержания контакта и воздействия на адресата. Такие единицы «накладываются» на информативную составляющую микродиалога в том или ином субжанре, маркируя его базовую интенцию и прагматически соглашаясь друг с другом. К едини-

цам Ф1 причислены вокативы, диалогические дискурсивы, вопросительные пост-частицы. Их функция – маркировать интенцию, облегчая адресату ее восприятие и усиливая воздействие на адресата. Кроме того, к единицам Ф1 отнесены клишированные реплики микродиалога: этикетные формулы и коммуникативы. Рассмотрение поведения этих языковых средств в диалогическом дискурсе как маркеров речевых субжанров позволяет сделать вывод, что в силу общности их функциональных характеристик единицы Ф1 могут и должны стать объектом специального лексикографического описания. Детальное описание их функционирования внесет вклад в дальнейшее развитие и углубление теории речевых жанров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Malinowski B. *The Problem of Meaning in Primitive Languages*. London : Kegan Paul, Trench and Trubner, 1923. P. 296–336.
2. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М. : Прогресс, 1975. С. 193–230.
3. Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речи как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М. : Наука, 1993. С. 2–29.
4. Матюхина Ю. В., Шевченко И. С. Прагматические особенности фатической метакоммуникативной информации в дискурсе // Треті Каразінські читання: методика і лінгвістика – на шляху до інтеграції : матеріали міжнародної науково-методичної конференції. Харків : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2003. С. 110–111.
5. Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкоznания. 1999. № 1. С. 37–55.
6. Кронгауз М. А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М. : Индрик, 1999. С. 124–134.
7. Янко Т. Е. Русские обращения: словарная информация и вокативные конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам междунар. конф. «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М. : РГГУ, 2009. С. 574–579.
8. Брагина Н. Г. «Родственные» обращения к неродственникам и принципы их описания // Русский язык сегодня. Вып. 5 : Проблемы речевого общения : сб. докладов / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН / отв. ред. Н. Н. Розанова. М. : ФЛИНТА: Наука, 2012. С. 32–42.
9. Пантелейева Е. А. Коммуникативно-прагматические свойства вводных и вставных элементов в современном русском языке. М. : Знание-М, 2021. 192 с.
10. Шаронов И. А. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 51. С 58–68.
11. Кустова Г. И. О коммуникативном статусе вводных конструкций с ментальными предикатами // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 3 (25). С. 62–75.
12. Левонтина И. Б. Русское финальное *a*? : портрет невидимки // Слово в тексте и в словаре : сборник статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М. : Языки славянских культур, 2000. С. 144–152.
13. Формановская Н. И. Русский речевой этикет. Лингвистический и методический аспекты. М. : URSS, 2024. 160 с.
14. Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. М. : Икар, 2005. 159 с.
15. Ратмайр Р. Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише (на материале русского и немецкого языков) // Вопросы языкоznания. 1997. № 1. С. 15–23.
16. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М. : Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
17. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. М. : АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.
18. Добрушина Н. Р., Данова М. К. Привет // Два века в двадцати словах / отв. ред. Н. Р. Добрушина, М. А. Даниэль. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. С. 251–270.
19. Кронгауз М. А. Формула прощания *давай* в синхронном и диахронном аспектах // Русский язык за рубежом. 2021. № 2. С. 33–40.
20. Бобрик М. А. Механизмы прагматикализации в истории русской формулы прощания *счастливо!* // Вопросы языкоznания. 2021. № 1. С. 70–83.
21. Шаронов И. А. Проблемы описания русских коммуникативов, состоящих из служебных слов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 7–13.
22. Шаронов И. А., Кушеш З. А. Описание коммуникативов согласия/готовности выполнить действие в русском языке // Культура и текст. 2024. № 4 (59). С. 95–107.

REFERENCES

1. Malinowski B. *The Problem of Meaning in Primitive Languages*. London, Kegan Paul, Trench and Trubner, 1923, pp. 296–336.

2. Jakobson R. Linguistics and poetics. In: *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: "For" and "against"]. Moscow, Progress, 1975, pp. 193–230 (in Russian).
3. Vinokur T. G. Informative and phatic speech as a manifestation of different communicative intentions of the speaker and listener. In: *Russkij jazyk v ego funktsionirovaniij. Kommunikativno-pragmatischeskij aspect* [Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect]. Moscow, Nauka, 1993, pp. 2–29 (in Russian).
4. Matyuhina Yu. V., Shevchenko I. S. Pragmatic features of phatic metacommunicative information in discourse. In: *Materials of the international conference "Treti Karazinski chitannya: metodika i lingvistika – na shlyahu do integraciyi"*. Harkiv, HNU named after V. N. Karazin, 2003, pp. 110–111 (in Russian).
5. Dementyev V. V. Phatic speech genres. *Voprosy jazykoznanija*, 1999, no. 1, pp. 37–55 (in Russian).
6. Krongauz M. A. Addresses as a way of modeling communicative space. In: *Logicheskij analiz jazyka. Obraz cheloveka v kulture i jazyke*. Otv. red. N. D. Arutyunova, I. B. Levontina [Arutyunova N. D., Levontina I. B., eds. Logical analysis of language. The image of a person in culture and language]. Moscow, Indrik, 1999, pp. 124–134 (in Russian).
7. Yanko T. E. Russian addresses: Dictionary information and vocative constructions. *Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Based on the materials of the International Conference "Dialogue 2009"* (Bekasovo, May 27–31, 2009). Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2009, pp. 574–579 (in Russian).
8. Bragina N. G. "Kindred" forms of address to non-relatives and principles of their description. Rozanova N. N., ed. *Russian Language Today. Iss. 5: Problems of Verbal Communication: A collection of papers*. Moscow, FLINTA, Nauka, 2012, pp. 32–42 (in Russian).
9. Panteleeva E. A. *Kommunikativno-pragmatischeskie svojstva vvodnykh i vstavnnykh elementov v sovremennom russkom jazyke* [Communicative and pragmatic properties of introductory and insertional elements in modern Russian]. Moscow, Znanie-M, 2021. 192 p. (in Russian).
10. Sharonov I. A. Semantic and pragmatic aspects of description of introductory words and communicatives. *Tomsk State University. Journal of Philology*, 2018, no. 51, pp. 58–68 (in Russian).
11. Kustova G. I. On the communicative status of introductory constructions with mental predicates. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2020, no. 3 (25), pp. 62–75 (in Russian).
12. Levontina I. B. Russian final a?: Portrait of an invisible man. In: *Slovo v tekste i v slovare: sbornik statej k semidesyatletiju akademika Yu. D. Apresyanu* [Word in text and in dictionary: Coll. of art. dedicated to the 70th anniversary of academician Yu. D. Apresyan]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur, 2000, pp. 144–152 (in Russian).
13. Formanovskaya N. I. *Russkij rechevoj etiket. Lingvisticheskij i metodicheskij aspekty* [Russian speech etiquette. Linguistic and methodological aspects]. Moscow, URSS, 2024. 160 p. (in Russian).
14. Formanovskaya N. I. *Kultura obshcheniya i rechevoj etiket* [Culture of communication and speech etiquette]. Moscow, Ikar, 2005. 159 p. (in Russian).
15. Ratmayr R. Functional and cultural-comparative aspects of pragmatic cliches (based on the Russian and German languages). *Voprosy jazykoznanija*, 1997, no. 1, pp. 15–23 (in Russian).
16. Ratmayr R. *Pragmatika izvineniya: Sravnitelnoe issledovanie na materiale russkogo jazyka i russkoj kultury* [Pragmatics of apology: A comparative study based on the Russian language and Russian culture]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2003, 272 p. (in Russian).
17. Balakaj A. G. *Slovar russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. Moscow, AST-PRESS, 2001. 672 p. (in Russian).
18. Dobrushina N. R., Danova M. K. Hello. In: *Dva veka v dvadtsati slovakh*. Otv. red. N. R. Dobrushina, M. A. Daniel' [Dobrushina N. R., Daniel' M. A., eds. Two Centuries in Twenty Words]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2016, pp. 251–270 (in Russian).
19. Krongauz M. A. Formula of farewell *Davaj* in synchronous and diachronic aspects. *Russkij jazyk za rubezhom*, 2021, № 2, pp. 33–40 (in Russian).
20. Bobrik M. A. Mechanisms of pragmaticalization in the history of the Russian formula of farewell *Schastliv!* *Voprosy jazykoznanija*, 2021, no. 1, pp. 70–83 (in Russian).
21. Sharonov I. A. Problems of describing Russian communications consisting of function words. *Izvestiya Saratov University. Philology. Journalism*, 2012, vol. 12, no. 3, pp. 7–13 (in Russian).
22. Sharonov I. A., Kushesh Z. A. Description of communicative consent / willingness to perform an action in Russian. *Culture and Text*, 2024, no. 4 (59), pp. 95–107 (in Russian).

Поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 12.05.2025; опубликована 30.09.2025

The article was submitted 01.04.2025; approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 12.05.2025; published 30.09.2025